

Идрен Сиграсил желала одного: любви.

Она была женой, приехавшей издалека. Офелия Мебаса, дочь Дарета Мебасы, короля Ледена, отличалась от него своим происхождением.

Идрен была незаконнорожденным ребенком короля, а Офелия - принцессой, имеющей право наследования.

Если бы он лично не убил своего отца и братьев и, таким образом, не стал королем Агланте, он не смог бы написать ей брачное письмо.

Помимо этого, между ним и Офелией было множество других различий. Его черные волосы безошибочно свидетельствовали о незаконнорожденности, в то время как Офелия с ее серебристыми волосами была воплощением королевской семьи.

Он заботился о земле, как о собственном теле, потому что у него не осталось ничего, кроме Агланте, но Офелию не интересовало все, что у него было, включая Агланте.

Но самое заметное различие между ними было предопределено заранее.

Идрен хотела ее, а Офелия - нет.

Это было видно по ее лицу с первого дня их совместной жизни.

В ночь свадебной церемонии Офелия сидела на кровати, ее слегка затененные голубые глаза медленно моргали в свете свечей.

В этих глазах, как в ночном небе без единой звезды, отражался он, но и только. В них ничего не было. Ни доброты, ни любопытства, ни даже враждебности.

Поэтому Идрену пришлось оправдываться, прежде чем поцеловать ее.

Сидя рядом с Офелией, он пробормотал, что это правда, что они женаты, но если он ей не нравится, он не станет навязываться ей, а вместо этого подождет до утра, чтобы скрепить брак, чтобы не уронить ее достоинство.

Возвращаясь к такому слабому оправданию в первую брачную ночь, она ответила безразличием.

“Тебе не нужно этого делать”.

Офелия сказала ему, что он может делать все, что ему заблагорассудится.

Поэтому Идрен поцеловал ее очень осторожно. Офелия не оттолкнула его, и он воспринял это как ее согласие.

Идрен до сих пор помнил те чувства, которые он испытывал бесчисленное количество раз в ту ночь.

Возможно, у Офелии тоже есть желание, чтобы этот брак состоялся... Не так сильно, как у него, но она может представлять определенный интерес...

Какой же глупой была эта иллюзия!

Причина, по которой Офелия сказала ему поступать так, как он хочет, была проста. Независимо от того, вступят они в брак или нет, их отношения не изменятся.

Интерпретировать это как ее готовность приложить усилия, даже если она его не любит, было его полной ошибкой.

Цена этого заблуждения была довольно высока. В качестве платы за то, что он поверил в чувства Офелии, Идрену пришлось пережить три безнадежных года. Эти три года он просто пытался казаться хорошим по отношению к ней.

Только проведя более тысячи дней в пустоте, он осознал это.

Глаза Офелии были не небом, а глубокими морскими глубинами. Она никогда бы не показала ему небеса.

С таким же успехом его можно было бы сбросить на дно океана.

Осознав правду, я пришла в замешательство. Было ли то, что я делаю, настоящей любовью? Действительно ли любовь так утомительна, разочаровывает и упряма?

Но прежде чем эти подозрения успели превратиться в уверенность, он упустил возможность доказать это.

Примерно в это время Офелия умерла.

Это была спокойная смерть.

Утром, когда дыхание Офелии прекратилось, лицо ее было безмятежным, как у человека,

который наслаждался долгим отдыхом. Настолько безмятежным, что горничная, помогавшая ей проснуться, подумала, что ее хозяйка заснула.

Когда Идрен была проинформирована о ситуации и отправилась в покои Офелии, там было много людей. Врачи и слуги суеились вокруг, рыцари охраняли вход, контролируя доступ.

Среди всей этой суматохи Офелия лежала на кровати с очень умиротворенным выражением лица. Слабый румянец играл на ее щеках и губах, нежные руки спокойно лежали на животе.

Поэтому сначала Идрен подумала, что она, возможно, разыгрывает его.

Конечно, они с Офелией были недостаточно близки, чтобы шутить. Однако Офелия часто доставляла неприятности другим своими неудачными выходками.

Возможно, она разыгрывала что-то похожее на те шутки, которые она разыгрывала с флауэр Костуэз.

Даже зная об этом, Идрен почти инстинктивно потянулся, чтобы взять Офелию за руку, чтобы проверить температуру ее тела, и выругал себя. Дурак. Если ты возьмешь ее за руку вот здесь, это только докажет, что она может влиять на тебя, как ей заблагорассудится, не так ли?

Поспешив на место происшествия, услышав, что с другой стороны возникла проблема, Идрен не хотел показывать никаких признаков беспокойства.

Поэтому он убрал протянутую руку и назвал ее по имени.

“Офелия”.

Он говорил холодным тоном. Он не был таким ледяным, как у Офелии, но у него был свой опыт холодного общения с кем-либо.

Но Офелия никак не отреагировала на его слова.

В этом молчании росло беспокойство.

Офелия всегда была безразлична к нему, но это не означало, что она затаила злобу. Несмотря на то, что ее действия часто казались злонамеренными, Идрен знала правду.

Офелия никогда намеренно не игнорировала его и не оскорбляла. У нее просто не было для этого мотивации.

Так что, если бы она услышала его, то открыла бы глаза.

Идрен облизнул губы.

“ Офелия?..

В его голосе, теперь лишенном холода, слышалась паника. Идрен поспешно сжала руку, лежавшую у нее на животе.

Он почувствовал холодную плоть.

—

То, что выпила Офелия, было чрезвычайно ядовитым. Название токсина, который мог привести к смерти всего от одного глотка, было получено из-за румянца, который оставался на щеках и губах умершего в течение суток.

Вот почему яд был популярен среди знати. Это было потому, что он позволял тем, кто обнаружил тело, выглядеть изящно.

Доктор сказал, что Офелия, вероятно, искала яд по той же причине.

Услышав это, Идрен разразилась горьким смехом. Действительно, романтично. Какая романтика в том, чтобы покончить с собой?

Если бы целью была не его жена, он бы смеялся над ними, сколько мог.

Но Идрен не мог так издеваться над Офелией. Несмотря на то, что он злился и проливал из-за нее слезы, он не мог заставить себя презирать ее.

Итак, он ничего не сказал, и время шло, несмотря на его молчание.

Прошел месяц с тех пор, как произошел инцидент, день смерти Офелии.

Дни трезвости были редкостью. В то время как днем он притворялся, что спокойно сидит на троне, с заходом солнца он отправился за алкоголем. Благодаря этому он даже обнаружил у себя привычку к выпивке, о которой раньше не подозревал; это был действительно примечательный образ жизни.

Даже эта привычка к выпивке не была чем-то грандиозным. Он просто крутил на пальце большое, инкрустированное желтыми драгоценными камнями кольцо, которое передавалось по

наследству только в роду Сигралов.

Это было кольцо с громким названием “Поцелуй надежды”, легендарное изделие, которое, по слухам, было частичкой бога. Но Идрена не интересовали древние истории. Он повернул кольцо просто потому, что оно было у него на пальце.

В ту ночь Идрен, будучи пьяным, крутил кольцо, спотыкаясь, когда шел по коридорам.

День был неподходящий для прогулок. Королевский дворец находился в северной части Агланте, и, даже не принимая во внимание географические особенности, температура ночью понижалась везде.

Но, чувствуя удушье внутри и жар на лице, он не мог больше оставаться в своей комнате. Его опьянение сделало его эмоции еще более искренними, чем обычно.

Проходя через внутренний двор, он подошел к небольшому колодцу в центре.

Говорили, что серый колодец, поросший красным мхом, был здесь еще со времен династии Сигралов.

Прислонившись к холодному камню, куда никто больше не ходил за водой, Идрен прижал ладони к вискам. В голове у него пульсировала боль.

И причиной этой головной боли была одна вещь.

“Офелия”.

Бормоча имя умершей женщины, Идрен посмотрела вниз, в колодец. Офелия, Офелия.

Он не смог дотянуться даже до четвертого повторения, прежде чем его вырвало.

“Зачем ты это сделала?”

Изливался так, как будто этот человек был прямо перед ним.

“Что тебе не понравилось? Что тебя так не устроило?”

Его вырвало, как будто черная дыра была проходом к ней.

Сердце, потемневшее почти так же сильно, как и дыра прямо перед ним, легко выскочило

наружу. Осознав, что из его глаз текут горячие слезы, Идрен поспешно сделал глубокий вдох. Слегка откинув голову назад, он пробормотал: “Нет, должно быть, я просто был тебе не по душе”.

“Я никогда не был удовлетворительным, что бы я ни делал, верно?..”

Иначе она не бросила бы его вот так, без предупреждения.

Идрен украдкой взглянул на расплывчатое видение перед собой. Этой ночью он кричал в колодец кому-то, кто уже умер. Это было действительно самое худшее.

Сделав глубокий вдох, Идрен заговорила дрожащим голосом.

“...Теперь ты мне тоже не нравишься”.

Но какая разница, не нравится ли кто-то, кто уже мертв?

Идрен, успокоив свое прерывистое дыхание, снова прислонился к колодцу. Он опустил взгляд на кольцо в своей руке. Желтый драгоценный камень, символизирующий трон, светился в темноте.

Какая от всего этого польза? Внезапно он подумал об этом.

Сидя на троне, он был все так же несчастен, как и тогда, когда был всего лишь незаконнорожденным ребенком короля.

Единственная вещь, которую он по-настоящему желал, ускользнула у него из рук, которую он так и не смог ухватить, а человек, который, как он верил, мог бы пройти с ним сквозь тьму, в итоге пронзил его еще глубже стрелой.

Тем не менее, самая ирония заключалась в том, что даже в этот момент то, чего он желал, было предопределено.

Несмотря на то, что Идрен знал, как ужасно Офелия обошлась с ним, он все равно хотел знать, почему она умерла. Он хотел знать, что он сделал не так, чтобы его бросили.

Именно тогда толстое кольцо выскользнуло у него из рук.

Когда тяжелое кольцо упало в темноту, Идрен неосознанно потянулся к нему. Почти одновременно он понял, что сам падает в черную дыру.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/104675/4562237>